

Светлана САНБАЕВА

«МЫ СТАРЕЕМ, НЕ УСПЕВ ПОВЗРОСЛЕТЬ...»

По страничкам FB-дневника

Окончание. Начало в № 11, 2024.

18 июля 2021 г. Как-то, придя с работы, Сатимжан сообщил: «Сегодня у нас будут гости!» Не так давно мы получили свою первую квартиру, и Сатимжану нравилось принимать гостей, но так, чтобы за два-три часа успеть подготовиться к достойному приёму – задача не из лёгких. Скидка была на неожиданность визита, а спасением был продовольственный магазин через дорогу от нашего дома. Сыр, колбаса, какие-нибудь консервы, и в завершение всего – пятилитровая банка маринованных огурцов и помидор. С горячим я уже не успевала.

Пока мы второпях готовились, – за Сатимжаном уборка, за мной кухня, – я узнала, что Сатыбалды Нарымбетов, сценарист, и Кано Касымбеков, режиссёр, после просмотра своего дебютного фильма «Шок и Шер», который получил в Монте-Карло приз «Серебряная нимфа», пригласили к нам в гости, предварительно обговорив с Сатимжаном, молдавских гостей – режиссёра Эмиля Лотяну, актрису Светлану Тома и ещё одного режиссёра (?). К моему сожалению, Светлана Тома до нас не дошла, её «украли» в другие гости.

Оказалось, что Эмиль Лотяну и его спутник начинали творческий путь с поэзии, выпустили один-два сборника стихов и лишь потом переключились на кинематографию. Естественно, разговоры были в основном о кино. Сатыбалды и Кано я видела в первый раз, но то, что их совместный первый фильм получил признание в виде приза кинофестиваля в Монте-Карло внушало уважение, придавало значимости молодым киношникам.

Кано (так он представился сам) – весёлый, шумный балагур, как мог оживлял скованную поначалу атмосферу. Сатыбалды – спокойный, расположенный к серьёзной беседе с более опытными коллегами, интересовался их работами,



кино в общем и молдавским в частности. Уходя, Сатыбалды снял со своей руки часы и подарил их нашему малышу Галыму, благословляя на жизненный путь. Возможно, это напутствие было провидческим.

Разные люди бывали в нашем доме, по-разному складывались в дальнейшем отношения с ними. Этот визит оставил ощущение причастности к успеху молодых кинематографистов, успеху, дававшему надежду на счастливое продолжение их киносудьбы. Иногда часто, иногда реже приходилось встречаться, но тепло, искренность первой встречи остались в наших отношениях навсегда.

15 ноября 2021 г. После четырёхлетнего павлодарского «заточения», года работы в Алма-Ате над рукописью трилогии Сатимжана «Времена года нашей жизни» работа в издательстве «Жалын» показалась мне удачей. Коллеги – молодые филологи и журналисты, хоть и небольшой, но опыт есть, а у меня один постоянный редактируемый автор, но пока я работала в издательстве, поняла, что мой автор многим другим даст фору.

Сначала редактировала переиздания, там одна работа – вылавливать блох, то есть опечатки. Рукопись казахской игры «Тогыз кумалак» заставила потрудиться – я дома переиграла все партии, их было около пятидесяти, благо у детей была схожая игра, но работа оказалась лишней. Были рукописи, совершенно непригодные к изданию, приходили авторы, самые настоящие графоманы, напористо требующие, чтобы их работы издали. Помню, как заведующий русской редакцией искал «вражескую руку», когда в одном тексте случился ляп: «У мавзолея замёрз часовой». Шум-гам разразился из-за лишней последней буквы в слове «замёрз». Иногда приходилось всей редакцией на полиграфкомбинате выдёргивать из рукописи блок, чтобы заменить его на другой. Почему-то запомнилась именно осень, на каждом углу продавали виноград мускат.

Когда мне попала одна рукопись, я подумала: наконец что-то стоящее. В это время мне были интересны русскоязычные писатели: Мар Байджиев, Тимур Пулатов, Тимур Зулфикаров, Анар, братья Ибрагимбековы. Я читала их произведения. К моему удивлению, в этой рукописи оказалось много сходства с произведениями перечисленных авторов. Редакционная рецензия совпала с редзаклчением Комитета по печати. Автору предлагалось доработать рукопись с учётом мнения рецензентов. Через какое-то время я обнаружила, что рукопись, то есть книга, уже в продаже. Естественно, это порядком сбило мой производственный тонус. И веру в человечество!

Была и другая сторона медали. Мои коллеги – молодые филологи и журналисты – прекрасный круг общения, то, чего я была лишена несколько последних лет. Я навёрстывала упущенное время. День моего рождения мы начали отмечать в редакции ещё в обед. Меня поздравила наша дирекция, пришёл Сатимжан, посидели, повеселились, а потом отправились проторённой дорогой к Лиде Степановой. Первый раз я услышала певицу Аллу Баянову, пластинку которой с большой осторожностью водрузили на диск радиолы. Удивили песни, которые она исполняла, было время, когда они считались не вполне приличными. Пришла в голову мысль поддержать репертуар Баяновой, и я, как смогла, спела песню, которую услышала когда-то, будучи на сельхозработах в колхозе. Это был один из вариантов «Мурки»: «Как-то шли мы с дела, / Я и Рабинович. / Рабинович выпить захотел...» Песня привела в восторг мою аудиторию. Реакция была мной ожидаемая, на что и был расчёт, и я как бы стала «своим парнем». В понедельник, идя по длинному коридору издательства, я увидела кучку людей около нашей редакции. Подошла поближе – в центре внимания смеющихся коллег одиноко возвышалась кем-то заботливо водружённая у нашей двери индийская ваза – забытый мной в пятницу подарок на день рождения.

Эти несколько лет, проведённые в «Жалыне», я вспоминаю как одни из лучших в моей жизни. И храню память обо всех, с кем довелось общаться в эти дни.

7 апреля 2022 г. После роли Алиби Джангильдина Сатимжану предложили сыграть в фильме «Необычный день» начальника космостанции Алтая Курманова. По сюжету во время свадьбы его срочно вызывают на космостанцию, он оставляет гостей и уезжает в горы. Помню, как-то вечером дети – Гуля и Галым прибегают ко мне с криками: «Мама, папа женился!» По одному из телеканалов шёл фильм «Необычный день», и дети увидели кадры свадьбы, всполошились. Сатимжан в это время был в Москве на литкурсах.

На показ ещё не озвученного фильма «Кыз-Жибек» в Дом кино был приглашён гостивший в Алма-Ате поэт Роберт Рождественский. Сатимжану, который сделал перевод на русский язык и литобработку диалогов и монологов персонажей фильма, пришлось самому читать текст за всех героев. Даже в таком виде фильм произвёл сильное впечатление. После сеанса Сатимжана попросили сопроводить Рождественского в гостиницу, а по возможности занять чем-либо. Мы отправились мимо нашего дома в кафе «Акку», в котором кроме шампанского и какой-то сдобы уже ничего не было – ночь на дворе. Даже шампанское не разговорило Роберта, молчание было тягостным. Я тоже не из говорливых, отдувался, как мог, Сатимжан. Сославшись на детей, я ушла домой, благо дом рядом. Позже Сатимжан объяснил, что, оставшись вдвоём, они смогли поговорить, но сильное заикание Роберта стесняет его при общении с малознакомыми людьми.

В Союзе писателей началась подготовка к конференции писателей стран Азии и Африки. В связи с этим Сатимжану предстояла командировка в Индию. Получив инструкции, приняв инъекции от чумы, холеры и ещё каких-то бактерий и вирусов, Сатимжан отправился в поездку, оснащённый несколькими бутылками водки, которой в Индии мыл руки и т. д., то есть дезинфицировался. В посольстве ему объяснили, что чем больше бояться и осторожничать, тем больше вероятность заболеть.

В группе было ещё два писателя – Алексей Арбузов и Юрий Рытхей, поэтесса из Прибалтики (?) и переводчица. Однажды двое молодых писателей предложили Арбузову прогуляться, не дав ему времени привести себя в надлежащий вид, и нанесли визит в Академию театра – святая святых для драматурга. Представ перед индийскими коллегами в шортах и простенькой рубашке, Арбузов почувствовал себя неловко, очень разгневался на шутников и долго ещё обижался на них. Рытхей попался на том, что по коварному совету своих сотоварищей искупался в реке, а Ганг, как известно, не самая чистая река, пришлось ему срочно мчаться в отель, чтобы принять душ.

Довелось их группе побывать в гостях у Святослава Рериха, уже давно жившего в Индии. Девика Рани – жена Рериха предсказала Сатимжану большой успех в конце жизни. Не угадала. Признание пришло в самом начале, после первых изданных книг, но в конце жизни не то чтобы успехов, даже упоминания о новых произведениях почти не было. После 1986 года.

Командировочные для группы было единогласно решено выдать сразу и полностью. Сатимжан, благодаря экономии, смог привезти несколько сандаловых вещичек, больше всего понравился бог Ганеша с головой слона. Долго они дома не продержались: каждый гость уносил с собой какой-нибудь сувенир. Несколько отрезков тканей были подарены сёстрам Сатимжана и мне. Чем блестящее была ткань, тем быстрее осыпались блёстки, ткань теряла вид. Мне были привезены босоножки на платформе – предмет моей гордости на одно лето, таких в городе ещё не было. Но как-то встретила на улице Розу Багланову: платформа её босоножек была невероятной высоты, но ступала она легко и

грациозно. Вскоре я обнаружила, что от моей платформы отвалился кусочек, потом второй... до осени они не дожили. Было ясно, что до советского качества индийским товарам в то время было далеко. Лишь одно платье, сшитое из привезённой ткани, носилось достаточно долго, не теряя цвет. Поблекший, выцветший бумажный венок, традиционно вручаемый в Индии гостям, долго напоминал о поездке Сатимжана.

8 июля 2022 г. После работы на документальных фильмах меня неожиданно взяли в группу фильма «Земля отцов». В подготовительный период я ходила по школам в поисках мальчика лет пятнадцати на роль Баяна, одного из главных героев фильма, приглашала на пробы. Пробы проводились и на взрослых актёров, только Елюбай Умурзаков сразу был определён на роль Старика. На роль Баяна подошёл Мурат Ахмадиев, для дебютанта отлично справившийся со своей задачей. Юрий Померанцев был хорош в образе архитектора.

Несколько раз были попытки привлечь меня к съёмкам: один режиссёр сделал мне что-то вроде фотосессии, тщетно пытался добиться выражения любви во взгляде, другой снял меня в роли секретарши, но фильм закрыли. Остались фото моих съёмок во время катания на алтыбакане: снимали киргизские выпускники ВГИКа для своей дипломной работы. На этом мои «пробы образа» закончились: я не чувствовала в себе артистических способностей, а съёмки обнаружили нефотогеничность.

Первая киноэкспедиция проходила в селе Каракастек, одном из любимых для съёмок на натуре мест режиссёра Шакена Айманова. Широкая пыльная улица тянулась из конца в конец посёлка, по обе стороны которой прятались в пыльной зелени домишки, – сонное царство, которое оживила нагрывающаяся киногруппа.

Нас расселили по домам, а утром машина собирала группу по посёлку и выезжала на съёмку. Сюжет фильма таков: получив с фронта повестку о гибели сына где-то под Ленинградом, Старик решает найти его останки, перезахоронить в родной земле и вместе с внуком Баяном отправляется в путь в товарном вагоне. Встречи с разными людьми, разными судьбами, разговоры...

Направляясь пешком к «генштабу», где определились на постой режиссёр, оператор и т. д., я не могла пройти мимо тонвагена, звукозаписывающей машины, откуда неслись цыганские песни. Позже узнала, что надрывный голос с хрипотцой принадлежит Высоцкому.

В Каракастеке снимали начало фильма, перед поездкой главных героев в Ленинград. Расселили нас в пустующем общежитии (летние каникулы) на окраине города, но отсюда ближе к селу Красная горка, где будет проходить съёмки. К киногруппе присоединяется ещё один актёр – Витя Перевалов. В свои семнадцать-восемнадцать лет он уже узнаваем и известен зрителям по нескольким фильмам, самые известные «Марья-искусница», «Республика ШКИД». Общительный, забавный, шутник. Однажды мы с ним поспорили, не помню, о чём, на килограмм шоколада, который здесь продавался на развес. Я выиграла спор и поначалу ела шоколад, сложив в три плитки. Доедала эту сладость вся группа, мне он быстро приелся и надолго. Мы выезжали на съёмки, гадая по дороге, удастся ли сегодня съёмка, или облака-тучи снова закроют солнце и съёмочный день накроется медным тазом. В такие моменты режиссёр собирал вокруг себя группу: смех, шутки, иногда Айманов пел и сопровождал себя на домбре. Водители, осветители сражались в карты – очко, буба.

Нам удалось посетить Эрмитаж, музей Пушкина в доме поэта на Мойке, но какие впечатления могли дать несколько свободных от работы часов... Вечером, пройдя по ближайшему через Неву мосту, мы ходили в кафе то ли «Мелодия», то ли «Рапсодия», на втором этаже которого был танцпол, а на первом

можно было вкусно поесть. Главное – успеть, пока мосты не развели, иначе приходилось добираться в объезд на такси. Почему-то белые ночи не производили «белого» впечатления, того впечатления, которое ожидалось.

Осенью завершающий этап съёмок: поездка героев фильма в товарняке. Из Кентау, где мы жили опять же в общежитии, ехали на один из разъездов между Кентау и Туркестаном, там нас ждал товарный вагон с паровозом, в котором проходили съёмки. Мы как челнок курсировали от разъезда к разъезду и обратно. В тесном вагоне едва помещалась съёмочная группа. Мне с моей хлопчаткой приходилось ухитряться, чтобы не влезть в кадр, не сломать себе ноги. Съёмку начинал оператор Мурат Айманов, сын режиссёра, на каком этапе главным оператором стал Марк Беркович, не помню, кажется, в Ленинграде Мурата уже не было. Видимо, мастеровитый режиссёр и свежий выпускник ВГИКа не сошлись во взглядах на съёмочный процесс. Съёмки, казалось, шли тихо-мирно, без напряжения; думалось, что из этого может получиться? Но недавно посмотрела фильм, первый раз за полвека. Очень даже неплохо, сопереживаешь, волнуешься, радуешься. Значит, всё нормально.

14 августа 2022 г. Как-то у Сатимжана появился новый знакомый – узбек, живущий в Германии. Его многочисленные родственники, около десяти братьев и сестёр, были рассеяны по всему миру – Турция, США, Англия... Он с какими-то делами (бизнес!) находился в Алма-Ате, жил в «Самале», снимал квартиру недалеко от нас. Где и как Сатимжан познакомился с ним, не знаю, но он время от времени заходил к нам на огонёк.

В один из дней Сатимжан сказал, что мы скоро поедem в Германию на юбилей Али. Я знала, что Сатимжан познакомил его с Калжаном (Салихитдином Айтбаевым), который писал портрет юбиляра. Видимо, он решил сделать себе подарок. Знакомство было обоюдovыгодным: юбиляр получил портрет, а Калжан в трудное время девяностых приработок. Позже Али сказал, что показывал в Германии картину специалистам и убедился, что работа сделана весьма профессионально, несмотря на короткий срок.

Салон charterного самолёта был полупустым, двадцать-тридцать пассажиров. Из знакомых Олжас Сулейменов с женой Маргаритой, Дюсен Касеинов, в то время бывший ректором консерватории. Дюсена сопровождали студенты – певица и домбрист с красивым голосом Бекболат Тлеухан, которого я уже слышала на чьей-то свадьбе. Остальные были нам не знакомы. Из Франкфурта-на-Майне мы по автобану поехали к месту жительства Али. Ехали больше часа, дорога – как по маслу. Небольшой чистенький городок, двухэтажный, тоже небольшой, дом-отель, на первом этаже уютный холл, кухня, зал-столовая и комната хозяев; на втором – номеров десять-пятнадцать. Возможности узнать больше об отеле и городке не представилось. Наше пребывание было расписано по минутам. Наутро в небольшом зале-столовой чисто, аккуратно, вкусно – мы позавтракали, и нас повезли во Франкфурт-на-Майне – культурная программа.

Я рассчитывала приобрести что-нибудь вроде вечернего туалета, поэтому ничего подходящего с собой не взяла. Нас высадили недалеко от галереи Kaufhof, вроде нашего ТРЦ. Оказалось, в субботу он работает до 14:00, времени у меня в обрез. С большим трудом и потерей времени, мне отпущенного, при помощи брата Али мне удалось справиться с невероятно сложным делом обмена денег, и вот костюм у меня в руках. В назначенном месте меня уже ждали Сатимжан и другие наши спутники, которых я задержала почти на час.

Добравшись до отеля, немного передохнув и переодевшись, мы, предвкушающие сытное застолье, отправились на юбилей. Несколько человек, в том числе и мы, были представлены родителям Али. Торжественная часть была короткой:

очень хорошо пели студенты консерватории, домбрист Бекболат показал класс, после чего нас пригласили к столу. Под большим тентом стояли столы, гостей было человек сорок-пятьдесят. Я почувствовала себя не в своей тарелке среди разномастных буднично одетых гостей. Были редкие тосты, скромные угощения смели со столов за считанные минуты, за вторым блюдом гости со своими тарелками потянулись в очередь к окошку раздачи, где эти же тарелки наполнялись не помню каким кушаньем. Ничего казахского или узбекского.

Мы вернулись в отель полуголодными, почему-то только в нашем двухкомнатном номере холодильник был наполнен маленькими бутылочками с алкоголем, мерзавчиками и кое-какой закуской, больше десертной. Очень быстро всё закончилось, и, разошедшиеся, все разошлись по своим номерам. Утром, наскоро позавтракав, мы расселись по машинам и отправились в аэропорт. То ли была эта поездка, то ли нет. Но Сатимжан напоследок остался доволен. Оказалось, среди наших спутников были бизнесмены, которых Сатимжан за время полёта хорошо обыграл в преферанс. Единственное, что мы привезли домой – это часы-ходики с деревянными фигурками сельских жителей, цветами и овечками, которые удалось купить в аэропорту. Они нормально тикали и никуда не торопились.

А я вспомнила нашу учительницу немецкого языка Ольгу Петровну. Внешне она была, по нашим послевоенным представлениям, типичной немкой: тонкие губы, семимесячный перманент, тусклые светлые волосы, немножко навыва-те блеклые голубые глаза. «Guten Tag!» – говорила она, зайдя в класс, резким пронзительным голосом. Как она терпела наши выходки – непостижимо, но никогда не выходила из себя, всегда невозмутима, была справедлива до приторности и методично вдалбливала в наши головы глаголы, существительные, суффиксы. Мы всегда знали, что за ответ получим то, что заслужили. До сих пор кажется, что если немного позаниматься, спокойно заговорю на Deutsch. Так же постепенно, без особых усилий с её стороны, она торила дорожку к нашим сердцам. Всё было как прежде: те же жидкие кудряшки, блеклые голубые глаза, пронзительный голос, ежедневные «Setzen Sie sich», «Auf Wiedersehen», но ничего не имело значения, любовь к ней накрыла нас с головой. Расставались мы с ней только что не со слезами, и не было в тот момент никого роднее Ольги Петровны, которая улыбалась своей очень редкой, но такой тёплой улыбкой.

14 октября 2022 г. Открыла айпад и – вдруг зазвучала турецкая песня. Что-то всколыхнулось внутри, взволновалось, проснулась память... Турция! Три года я была привязана к этой удивительной стране торговыми связями, а проще сказать – трудовыми буднями. Ещё одна моя неожиданная ипостась в девяностых.

Сатимжан и его младший брат Хамит основали Международный фонд «Великий Шёлковый путь». Поначалу дело шло хорошо, пока фонду не запретили коммерцию. Надо было искать спонсоров, финансы, кредиты. Сатимжан сказал: «Если я продолжу этим заниматься, не смогу больше писать». На этом для него работа фонда закончилась. К этому времени вся семья, оставив насиженные в разных офисах места, переключилась на бизнес. На оставшийся от деятельности фонда капитал мы отправили дочь с мужем в Эмираты. Они хорошо погуляли там и привезли спальную гарнитур, повезло, что целый, у многих их спутников прилетели не то чтобы щепки, но что-то вроде. Выставили гарнитур в магазин на продажу. Через неделю под ночь позвонили: гарнитур продан, до утра заберите деньги на счёт, налом нельзя. Счёта не было, ночью стали искать возможность пристроить куда-то деньги. Пристроили, но денег опять не получили, прислали грузовик с упаковками сока, яблочного, апельсинового. Соки заняли половину квартиры и начали активно употребляться членами семьи.

Малая часть понемногу продавалась, зато никто из наших гостей не уходил без упаковки сока (в упаковке шесть литровых пакетов).

Бизнес пошёл не в ту степь. Соковая эпопея заканчивалась, но свято место пусто не бывает, на смену сокам пришли оппозиционные газеты какой-то страны, тоже пачками, но большими. Они тоже заняли весь коридор и балконы. Газеты долго не задерживались, их увозили и привозили новую партию. Жизнь была ключом. Потом были ящики с литровой водкой. Ни разу не видела такую расфасовку. Одной бутылкой можно убить человека. Навар от эмиратовской сделки мы пропили соками.

Посмотрев на это дело, я решила сама заняться бизнесом и на оставшиеся деньги поехать за товаром. Куда? В турагентстве выбор на ближайшие дни был Таиланд или Сирия. Поехала в Сирию, билет был дешевле. В Алеппо в отеле со мной в номере поселились две женщины, было видно, не в первой поездке вместе. Утром они ушли, я тоже решила осмотреться в городе, вышла, не зная, куда идти, что покупать. За два дня из четырёх я не купила ничего, на третий мои соседки сжалились и взяли меня с собой. Оставшееся время я только успевала заносить в отель покупки и уходить снова за добычей. Спутницы посоветовали, что нужно покупать, что будет продаваться в Алма-Ате. За четыре дня доллар в Алма-Ате сделал рывок от двенадцати до восемнадцати тенге, что тоже сыграло на руку. Поездка окупилась, но в следующий раз я решила поехать в Турцию. Впечатления от Алеппо остались не очень, отель был неудачный, вдобавок страх провалить дело и многое другое. Говорят же, не зная броду, не суйся в воду.

К Турции я готовилась заранее. Познакомилась с женщинами, которые взяли меня с собой. Они почти каждый месяц ездили за товаром в Турцию, уже бывалые челночницы. Доллар через два месяца стоил уже сорок тенге; восемьдесят долларов самолёт, восемьдесят долларов отель за четыре дня. Так прошло три года. В три часа ночи я открывала входную дверь, ногой закрывала её и – я на свободе! Аэропорт, самолёт, пять-шесть часов лёта и – Турция! Дома оставалось спящее семейство.

Самое неприятное из этого предприятия было стоять на базаре за прилавком. Сначала ужасно конфузилась знакомых, потом привыкла. Рядом за прилавками стояли учителя, медики, сокращённые работники предприятий. В основном женщины пошли на базар, чтобы кормить свои семьи. В первую поездку сумела сходить на экскурсию в Айя-София, мечеть Султанахмет, больше за три года ничего не увидела: надо было экономить на всём. Встречать меня приезжали мужчины – сын, зять, тащили три-четыре мешка по тридцать-сорок килограмм в машину. Однажды, поднимаясь на пятый этаж, на лестнице всюду увидела обёртки от жвачки. В последний приезд купила пачку в сто штук, а пятилетняя Алёка, видимо, угощала весь подъезд. Дома она включала магнитофон с турецкими песнями (купила кассету за компанию с подругами): поёт на турецком и пляшет. Как-то на базаре у одной товарки был день рождения, и мы тоже пели и танцевали под «Щикидим» Таркана.

Иногда наведывались домой соседки за новым товаром. Однажды пришли три соседки-матроны, у двух из них дочери работали на телевидении, и не на последних ролях, если не сказать больше. Примеряли они одинаковые платья, рисунок был из разных полос синего, белого, чёрного цветов. Вышла из комнаты, пока они переодевались, захожу и – остолбеневаю! Ходят по комнате три шлагбаума туда-сюда. Смеяться нельзя, я же продаю. Картина была незабываемая.

В квартире одну комнату заняли под товар, развесили всё, что могло помяться. Сатимжан не выдержал такой жизни, никакого внимания, ушёл жить к

маме. Какое тут внимание – с утра на базар, вечером еле ноги волочишь, по дороге перехватишь что-нибудь готовое из еды, обед тоже на базаре. Наши дети вместе со мной прошли это испытание, а пятилетняя Алёка, которую я иногда брала с собой, знала весь Зелёный базар вдоль и поперёк.

Но не всё так просто и весело, как кажется. Опыт, какие-то навыки и тут необходимы. Вскоре и я поняла, что не моё это дело, когда две-три неудачных ситуации помогли мне это осознать. Было ещё понимание, что это ненадолго. Но два-три года мы всё же смогли протянуть на моих поездках в Турцию. Может, оттого, что Турция так и осталась для меня неузнанной, непознанной, как ларчик, который так и не открылся, любое упоминание об этой стране волнует. «Никогда я не был на Босфоре, / Ты меня не спрашивай о нём». Я была на Босфоре, но Турция по-прежнему манит и тянет.

23 ноября 2022 г. Когда иду по городу, воспоминания оживляют улицы, они предстают такими, какими их видела в особенный, значимый момент. В прошлом году на улице Фурманова горел дом, в котором родилась я и моих три брата, но я вижу его прежним, домом нашего детства. Спускаюсь по улице вниз, а вот и памятник Сабиту Муканову, мы с Сатимжаном были здесь на его открытии, нас пригласили его дочери Баян и Жанна.

Были мы и на столетии Марьям апай Мукановой в Союзе писателей Казахстана. На сцену зала вывезли кресло-каталку с Марьям апай, и секретарь правления обратился к присутствующим с просьбой не затягивать с выступлениями, не забывать о возрасте и состоянии юбилярки. Не тут-то было. Выходящие на сцену высказывались от души. В основном это были писатели, время которых уходило, уже не так часто им доводилось выступать на людях, но было что сказать. После трёх-четырёх выступающих кресло-каталку с юбиляршей увезли со сцены, однако собрание продолжалось, поздравлениям Марьям апай со столетием и воспоминаниям о Сабите Муканове не было конца, и мы потихоньку удалились.

Вспомнился ещё один эпизод. Когда проходила наша с Сатимжаном свадьба, Сабита Муканова не было в городе, он был в заграничной поездке, кажется, в Индии, и по приезде намекнул папе, что хотел бы прийти в гости, коль уж пропустил наше торжество. Ну не то чтобы намекнул... Набралось ещё несколько пар, по каким-то причинам не посетивших нашу свадьбу. В общем, наша столовая была полна гостей. Вечер начался с рассказов Сабита Муканова о поездке, его впечатления были увлекательными, никто из присутствующих не бывал в Индии. Чуть позже мама принесла горячее, традиционно это был бешбармак. А потом началось забавное действо – асату. Сабит Муканов на правах старшего по возрасту и авторитету набирал полную ладонь беша и кормил гостей. Ладонь была ещё та, наши гости с трудом могли закрыть рот, чтобы прожевать угощение. На этом Сабит Муканов попрощался и покинул наш дом. Гости ещё дожёвывали еду, но обстановка стала более свободной, все оживились. Разговоры, смех...

Настроение изменилось, когда поднялась жена Хамзы Есенжанова. Она рассказала, что, когда репрессировали её мужа и она ничего не знала о нём, один человек, к которому она обратилась за помощью, рискуя своим положением и не только, помог ей. И когда она сказала, что этот человек находится в этой комнате и назвала его, удивлению гостей не было границ. Это был Амиржан Абдуллин, друг нашей семьи, ставший им благодаря дружбе детей. Вечер закончился на позитивной ноте.

Вспоминаю, как на восьмидесятилетии мамы Марьям апай Муканова сказала, что удивилась, когда узнала, что Сейтжан Омаров женился на татарке, ведь вокруг много достойных казахских девушек. Кажется, что папу, скромного застенчивого человека, опекали жёны писателей. Но позже они убедились, что

мама оказалась подходящей женой писателю. С этими словами на маму надели кимешек – традиционный казахский женский головной убор. Папы не было уже десять лет.

20 декабря 2022 г. Хорошая выдалась неделя. В Астане обнаружилась группа людей, активно интересующихся творчеством казахских писателей, в том числе Сатимжана Санбаева. Не знаю, как назвать эти встречи, но группа уже провела одну, посвящённую «Белой аруане», а недавно обсуждали повесть «Когда жаждут мифа». Мы с Алёкой были предупреждены заранее, и я перечитала повесть заново. Поразилась своему впечатлению, будто читала в первый раз. Порадовалась участникам этой встречи – интересные, увлечённые люди.

Последнее время Сатимжан недоумевал, почему такое внимание «Белой аруане», когда лучшая, по его мнению, повесть «Беркутчи». Удивлялся, когда приходилось перечитывать своё: «Неужели это я написал?» Иногда вдруг удручённо говорил: «Я не писатель». Значит, настроение совсем ни в какие ворота, а через день: «Мне сказали, что я классик!» Было такое, сама слышала и не раз. Многие знали историю с романом «Медный колосс», который по прихоти одного человека пролежал на полке, то бишь в ящике стола, двадцать лет, а когда русская секция Союза писателей выдвинула роман на Госпремию, некоторые советовали отказаться от этой затеи – всё равно с этим героем не получишь! Так и случилось, не получил. Почему-то «Времена года нашей жизни» в Москве удостоили премии ВЦСПС, а в Казахстане на тетралогию не обратили внимание, про «Медный колосс» вообще не говорю. Через двадцать лет издали спонсорскими силами и малым тиражом. «В люди» он не вышел, в магазинах не продавался.

После нескольких лет уединённой жизни в Акбулаке, привыкания к сельской жизни, занятых в основном хозяйством – двор, огород, времянка и т. д. и т. п. – всё было в заброшенном состоянии, люди готовились к переезду, Сатимжан заметно оживился, нас стали находить друзья, навещать. Жалаллетдин, коротко Жаке, немногословный, добродушный, но спец в своём деле, мастер на все руки, откликался на любую просьбу Сатимжана. Прихожу как-то домой – сидят Жаке и Сатимжан, беседуют и пришивают петли на новые шторы. Хорошо пришивают, только на одной из шторин петли пришили не к той стороне, чуть не повесили вверх ногами. Что поделаешь, творческие люди, заговорились. Пришлось перешивать.

Иногда после работы Сатимжан приходил в сопровождении Дюсенбека Накипова. Дюсик падал на одно колено, вздевал руки вверх (в одной руке буханка хлеба, в другой – палка колбасы и бутылка водки, обычный набор), передавал свои дары Сатимжану и целовал мне руку. Я купилась было на рыцарский ритуал, на его «моя богиня», пока не узнала, что такое предствление он устраивает в каждом доме, куда занесёт его попутный ветер. После двух-трёх рюмок Сатимжан тихо говорил: «Пойду спать, устал. Посиди с ним». Дюсик не замечал ухода Сатимжана, пластинку уже заело. Ближе к двум-трём часам ночи я начала зевать. Дюсик нехотя собирался и уходил, никогда не оставался на ночь. До завтрашнего дня голова болела – дошёл, не дошёл. Он всегда доходил.

Когда Сатимжан начал работать на «Казахфильме» главным редактором, он стал приходиться с киношниками, которых «вербовал» для помощи по хозяйству. Поначалу не все понимали, во что ввязались, но все сомнения проходили, когда в завершение сельхозработ их ждал накрытый дастархан с отменным бешбармаком и всем, что к нему прилагается.

Однажды с Сатимжаном пришёл Касым Бегалин, очень тактичный, очень деликатный человек. Его трепетное отношение к отцу – Сапаргали Бегалину, к творчеству и личности брата Мажита Бегалина поражало. Встречаясь со множеством известных людей, он записал на диктофон их отзывы о режиссёре

Мажите Бегалине, подготовил их в виде рукописи, Сатимжан сделал литературную обработку. Воспоминания Сергея Герасимова, Инны Макаровой, Клары Лучко, Михаила Глузского, Натальи Аринбасаровой и многих других дали возможность лучше узнать режиссёра и человека Мажита Бегалина, снявшего фильмы «Его время придёт» (о Чокане с Нурмуханом Жантуриным), «Песнь о Маншук», «Дело было в Шугле», «Степные раскаты» («Уральск в огне») и другие. В результате вышла книга «Мэтр», которую составили Касым Бегалин и Сатимжан. Позже они издали книгу-альбом о Шакене Айманове. Планов у соавторов на сотрудничество было много, но им не суждено было сбыться.

Сатимжан решил написать сценарий по своим детским воспоминаниям. Пришёл режиссёр, вроде как уже соавтор, пришёл Аскар, фотограф, у которого был ноутбук, какого у нас ещё не было. Написание шло с натяжкой. Сатимжан и режиссёр не сходились во мнениях по поводу сюжета, героев, в общем, однажды режиссёр не явился, он пошёл своим путём. Но работа продолжалась. Все, кто на тот момент находился в доме, человека три-четыре, участвовали в создании «шедевра». Получалось хоровое исполнение, каждый вплетал свой голос, выдвигал свои соображения. Сатимжан выслушивал всех, но настоящая работа начиналась после ухода сотоварищей, которые как бы осуществляли разогрев. Позже к процессу присоединились уже настоящие режиссёр фильма и оператор и низвели сценарий до среднего уровня. Очень старались. Сатимжан даже не захотел поехать на съёмки.

Мухтар Шаханов, в то время посол Казахстана в Киргизии, обратился к Сатимжану с просьбой помочь привести в порядок его поэму на русском языке. Он приезжал на посольской машине с флажком, был прост и демократичен в общении. Как-то мы подъезжали к дому и слышали истошный лай Кумая. У наших ворот стояла чёрная машина с флажком, а посол стоял на большом камне и заглядывал во двор, беся собаку. Попробуй не залай, когда из-за забора на тебя смотрит чья-то голова, пусть даже посольская.

И завершаю благой вестью, недавно в Астрахани состоялся форум литераторов Прикаспия, на котором с докладом выступила Кенжебаева Жаркын Есеновна, кандидат философских наук, профессор Атырауского университета. Доклад был о творчестве Сатимжана Санбаева.

4 января 2023 г. «Фотография девять на двенадцать с наивной подписью “На память”»... Подписи нет, но снимок как напоминание из прошлого, далёкого... На фото знакомые лица: слева Алик Байсалов, студент МИМО, Мурат Ауэзов, студент МГУ, Кайрат Сулейменов, студент МЭИ. Казахские чапаны, возможно, начало Жас-Тулпара.

Первым в своё недолгое пребывание студенткой в Москве я встретила одноклассника Кайрата Сыздыкова, по прозвищу Саракит, на встрече землячества казахских студентов, там же познакомилась с Аликом Байсаловым, а Кайрата Сулейменова встретила в общежитии МЭИ, где училась одноклассница Наташа Неклюдова. С Кайратами я училась в одной школе и жила в одном районе.

Они втроём стали приезжать ко мне на Левобережную. Мы стояли в коридоре, в комнату, где жило больше десяти девочек, пригласить я их не могла. Помню их важные разговоры про сопромат и другие, непонятные мне вещи, восхищалась: «Какие они умные!»

Отмечать Новый год они пригласили меня в общежитие Литинститута. Плюс к этому был день рождения Мурата Ауэзова, с которым я не была знакома, поэтому в подарок купила какой-то курительный набор. Оказалось, Мурат не курил. Я удивилась, одноклассники курили, и не первый год, ещё со школы. В общежитии освобождали от лишней мебели комнату Булата Габитова (Джан-

сугурова), брата Мурата, выносили койки, тумбочки, сдвигали столы. Мои одноклассники быстро пришли в состояние некондиции и, вручив Мурату подарок (не везти же его обратно), побродив по этажам – на каждом был свой красный уголок, где повсю шло новогоднее веселье, мы с ещё одной гостьей, студенткой МГУ, нашли приют в комнате студенток, которые любезно одолжили нам на время свои койки, а сами пошли продолжать веселиться. Много позже я узнала, что в общежитие забрели спортсмены, вероятно, ошиблись общежитием, повели себя некорректно по отношению к девушкам, чем вызвали отпор «хозяев» общежития, и началась большая драка, которую я благополучно проспала.

Часов в шесть утра нас разбудили, попросили освободить спальные места – девочки натащивались. Мы пошли за одеждой. В комнате за длинным столом сидели вчерашние гости, один из них читал стихи, перемежая свои с чужими, остальные внимательно слушали. Мы торопились домой, уже заработало метро. Откуда мне было знать, с кем довелось сидеть за одним столом? Булат Габитов, Мереке Майлин, Олжас Сулейменов – все ещё студенты литинститута. Но меньше чем через полгода имя Олжаса, после опубликования поэмы «Земля, поклонись человеку», прогремело на весь мир.

Прошло около десяти лет, мы с Сатимжаном жили у моих родителей, и нас было уже четверо. Однажды Сатимжан пришёл домой с Муратом Ауэзовым. В этот день жизнь сделала крутой поворот, и наша семья отправилась в свободное плавание, потому что Мурат предложил нам переселиться в трёхкомнатный дом, где он жил один. Недолго думая, мы немедленно меняли место жительства. С этого времени и по сей день наши дружеские отношения имеют место быть.

У Мурата было много друзей, единомышленников, но больше всего среди них было жастулпаровцев. Почти все они стали и нашими друзьями. Сатимжан в этом доме начал писать «Когда жаждут мифа», и эпизоды, касающиеся истории, архитектуры, наскальных рисунков, думаю, были навеяны разговорами с Аланом Медоевым, Аскарком Сулейменовым, Муратом Ауэзовым, Тимуром Сулейменовым, Болатханом Тайжановым, Булатом Каракуловым. Сатимжан нашёл среду, которая питала его творчество. Особенно много он почерпнул из общения с Муратом, с которым они вели долгие разговоры. Как-то они с Акселеу Седимбековым, Муратом Ауэзовым всю ночь беседовали, спорили на разные темы, и Сатимжан признался, что был поражён их глубокими знаниями в истории, философии и т. д. Такие признания были у Сатимжана нечасты и многого стоили.

Мурат не раз доказывал своё искреннее участие в жизни друзей, Сатимжана в том числе. Когда Сатимжана не стало, Мурат и Сафар Абдулло по своей инициативе и за свой счёт издали две книги Сатимжана в «Библиотеке Олжаса». Начиная свои записи о Сатимжане, я посоветовалась с Муратом, надо ли мне обнажать какие-то вещи, о которых прямо не говорил Сатимжан, и, получив одобрение, приступила к задуманному. Мурат и сейчас поддерживает мою работу, за что я ему признательна. Рада, что Галым и Алишер, сын и внук Сатимжана, смогли внести свою лепту в празднование юбилея Мурата. Ещё раз с днём рождения, с юбилеем, с наградой! Аман бол, Мурат!

16 июня 2023 г. Балхаш. Пришло в голову, а ведь Балхаш – значимая часть творческой биографии Сатимжана, здесь начиналась его будущая диалогия «Медный колосс». Мы прибыли в Балхаш летом 1983 года. Двухкомнатная квартира, которую нам отвели на временное пользование, была в ремонте, и нас поселили то ли в санаторий, то ли в дом отдыха, который уже пустовал – скоро сентябрь, надо готовить детей к школе. наших детей – Гулю и Галыма взяли к себе друзья, чтобы они могли вовремя начать учёбу, мы же по окон-

чании ремонта переехали в чистую, но пустую квартиру, обжиться. Откуда появились железные кровати, каких я не видела уйму лет, столы и стулья одолжила находящаяся неподалёку библиотека, и всё же пришлось съездить в Алма-Ату за холодильником, телевизором, посудой, кое-какой мелочью.

Началась обычная жизнь: дети в школе, Сатимжан встречается с ветеранами, собирает материал для романа, вечером переводит роман К. Исакова «Кедры высокие», я печатаю то и это. Знакомлюсь с соседями. Этажом ниже живёт цыганка Роза (Роза, Роза, где твой табор?). Одинокая женщина, детей разбросало по всей стране, страдает астмой. Врачи посоветовали съездить в Баянаул, в Боровое, подышать запахом хвойных деревьев, облегчает астму. Оказалось, переизбыток кислорода чуть не убил Розу, вернулась раньше срока.

Заходила баба Маша, соседка, увидела, что я режу овощи: «Борщ готовишь? Пошли, я заправку тебе дам». Бережно вытаскивает трёхлитровую банку, наливает мне в стакан две столовых ложки заправки. Она у неё на вес золота. Борщ становится вкуснее. Баба Маша советует поквасить на зиму капусту. «Но я не умею!» «У нас есть сосед, всё сам сделает!» Дядя Ваня притащил кадку, капусту, морковь, какую-то самопальную капусторезку и приступил к работе. Тут баба Маша со своими советами: как резать, как солить, как жамкать капусту. Дядя Ваня не хочет жамкать, капуста сама даст сок. Спор идёт уже на повышенных тонах. Настрогали полную кадку капусты, и последнее указание: «Через два дня вынесите кадку на балкон». Ещё через три-четыре дня опробовали блюдо – ничего, есть можно. Я ем, дети и Сатимжан пробуют. Стукнули морозы, и капуста начала замерзать. Сначала я её отковыривала ножом, потом отбивала молотком, потом она надоела, а там ещё больше половины. Весной дядя Ваня унёс кадку.

Иногда ходим в кино. В памяти остались два фильма: «Гибель Японии» – фильм-катастрофа, в котором вся Япония уходит под воду. Жуть! «Федора» – фильм об актрисе, которая ради карьеры жертвует своей дочерью. Впечатлились все, особенно Сатимжан.

К Новому году Надя – соседка по площадке, решила испечь булочки. Я решила присоединиться к ней. Молодая немецкая семья, случайно оказавшаяся здесь, уже несколько лет не чаяла уехать из капкана под названием Балхаш: но приехать легко, переехать – сложно. Мы сутки занимались булочками по старинному немецкому рецепту. Оказалось, Надя сама в первый раз решилась на этот эксперимент. Часам к одиннадцати-двенадцати перед самым Новым годом мы имели по огромному тазу булочек, готовить что-то ещё не было сил. Доедали булочки дети, после каникул вернувшиеся из Алма-Аты.

Часах в трёх езды от Балхаша находился закрытый город Приозёрск. Знакомые достали пропуск для въезда, посоветовали, что нужно купить, особенно аппаратуру. Зимняя дорога усыпляла, кругом белым-бело. Добрались где-то в полдень, перекусили и в предвкушении покупок пошли по магазинам. Приозёрск отличался от Балхаша упорядоченностью, всем своим обликом. Но магазины были пусты, буквально за последнюю неделю всё раскупили. Кажется, с города сняли статус закрытого.

Весной в Балхаш наведался Динмухамед Ахмедович Кунаев. Он являлся прототипом одного из главных персонажей будущего романа Сатимжана – как студент-практикант одного из московских вузов, приехавших на практику строящегося медеплавильного комбината. Весь Балхаш радостно приветствовал его. Кунаев был здесь своим человеком. Сатимжана пригласили на собрание в честь приезда дорогого гостя, по окончании был банкет. Сатимжан сидел в конце длинного стола, Димаш Ахмедович пригласил его сесть рядом с собой. Разговор, скорее всего, шёл о том, как продвигается работа над романом.

Позже Сатимжан рассказывал, что раза два-три встречался со своим будущим героем. Беседы длились дольше, чем предполагалось. Как-то в коридоре его остановил человек, пригласил зайти в свой кабинет после беседы с Кунаевым, но Сатимжан, предположив, о чём его хотят расспросить, проигнорировал приглашение, не предполагая, что этот эпизод может плохо сказаться на судьбе его романа. Так и случилось. Роман двадцать лет пролежал неизданным.

Дети окончили восьмой класс. Галимжану, как отличнику, досталась путёвка в Артек, Гуля вместе с Сатимжаном поехала на съёмки сериала «Чокан Валиханов». Асанали Ашимов предложил Сатимжану роль Султана Тезека, в ауле которого Чокан провёл последние дни жизни. Через неделю под утро мои киношники приехали, и полусонная Гуля сказала: «Я буду артисткой или режиссёром», и заснула. А ещё через неделю, когда они вернулись таким же макаром, Гуля сквозь дрему сказала: «Девочек в режиссёры не берут, а для актрисы я нетипичная казашка», и заснула. Но ей удалось-таки промелькнуть в одном из эпизодов сериала.

Галыма из Артека я встречала в Джезказгане. Первое, что он сказал: «Хочу сала!» Такого продукта у нас не водилось, где его взять в Балхаше? Вышли на площадь у кинотеатра. Площадь пустая, ходит одна женщина с продовольственной сумкой. На всякий случай спрашиваю: «Сало есть?» Таращу глаза на ответ: «Есть!» Галым съел кусочек, и на этом всё. Письма от девочек по Артеку шли несколько лет.

Вчера среди бумаг нашла пожелтевший листок – рецепт немецких булочек... и всплыли воспоминания. Может, дойдут когда-нибудь руки и до немецкой сдобы.

11 июля 2023 г. До сих пор нахожу листочки с наспех набросанными записями, недорешенными кроссвордами. Из-за кроссвордов мы не спорили, строгая очерёдность – первый Сатимжан. У него лучше получались ответы с длинными словами, а мне доставляло удовольствие заполнять оставшиеся без ответа пустые клетки. Странно, но чаще не отгаданными были вопросы по литературе. Потом Сатимжан тщательно просматривал мои ответы, молча досадливо качал головой.

Последнее время к нему вернулась давняя привычка вставлять буквы «й» и «ь» в самых неожиданных местах. Моя роль машинистки перешла к нашей младшей Алёке. Я диктую, она печатает на компьютере. Иногда его вставки образовывали такие неологизмы, что мы с Алёкой покатывались со смеху. На смех прибежал Сатимжан и, уже смеясь на ходу, интересовался поводом для такого веселья. Но вычитывать просил каждую свою запись.

Однажды племянница Сатимжана Ляйля привезла из Атырау большой замороженный кусок осетрины, чтобы мы могли сделать из него бешбармак. Получилось необычно, но очень вкусно. Сатимжан последнее время ел выборочно и мало (стало проблемой накормить его) и подсел на эту еду. Лейла присылала рыбу, пока была возможность, но закончился сезон ловли осетра. Решили поискать рыбу в городе. Сын Галым вывез нас отдышаться в оздоровительный комплекс «Тау-Самал» со множеством ресторанов, в меню одного из которых обнаружилось блюдо «Осетр с овощами». Уговорили продать рыбу. В дороге рыба начала трепыхаться – живая. Дома набрали воду в джакузи, пустили осетра плавать. Плавает день, второй, хлеб и крупу не ест. Что делать? Позвали друга Жаке, он разделал рыбу, пока она сама не отдала концы, сварили. Никакого вкуса, одно расстройство. Оказалось, осётр был «местного разлива», выращен в пруду при ресторане.

Сатимжана вдруг потянуло на студенческую еду. Он просил купить песочники (находились с трудом), его соблазнял запах уличных пирожков, беляшей,

и он с аппетитом уплетал их. Дома просил приготовить еду, какую он ел в детстве. После одной-двух неудачных попыток я предложила самому приготовить любимые с детства макароны в масле. Знала, что невозможно найти то домашнее масло, те серые макароны, но пусть убедится сам. Провал (приготовленная бурда ушла в мусорку) не остановил его, он решил повернуть то же самое с прополисом, который доставал где-то готовым. Опять фиаско! Зато кухня осталась в моей власти. Вспомнилось, как папа, выйдя на пенсию, стал заходить на кухню с полезными советами. Но у мамы не забалуешь, быстро отвадила.

Заходили друзья проведать Сатимжана. Перед этим он подолгу лежал в кресле, что-то обдумывая. Такие встречи получались интересными, насыщенными духовностью, Сатимжан и сам вдохновлялся разговором, общением. Это было своего рода лекарством. «Кожек думал про себя: придёт время, и они со старухой будут разговаривать друг с другом и расскажут про всё, о чём молчали, хранили про себя, когда же ещё быть откровенными, если уже близок конец». Из романа «Таких дождей здесь не бывало». Так они и жили.

Недавно в Атырау прошла бинарная гостевая лекция, организованная кафедрой русской литературы университета им. Х. Досмухамедова, поводом для которой явился юбилей повести Сатимжана «Белая аруана». В 1968 году, пятьдесят пять лет назад, в журнале «Простор» была опубликована повесть «Белая аруана», дебют Сатимжана Санбаева как писателя. Главным редактором журнала был Иван Шухов, с которым у Сатимжана сложились товарищеские отношения, и каждое новое произведение Сатимжана проходило «пробу» в «Просторе».

В этом мероприятии приняли участие Мурат Ауэзов, представлять которого нет нужды, и Светлана Ананьева, заведомо международных связей и мировой литературы АН Казахстана, давно знавшая Сатимжана, его творчество, привлекавшая своих студентов к изучению работ Сатимжана и подвигшая некоторых из них к написанию диссертации о нём.

Мурат Мухтарович, признанный рассказчик, лектор и оратор, покорила аудиторию своим рассказом о Сатимжане, упомянул о своём пребывании в Макате у родителей Сатимжана. К этой лекции онлайн присоединились слушатели из других городов. Светлана Викторовна рассказала о творчестве Сатимжана с научной точки зрения. Решением Учёного совета Мурату Мухтаровичу присвоили звание Почётного профессора Атырауского университета. Эта онлайн-лекция, посвящённая такой неординарной дате и творчеству Сатимжана вообще, по мнению участников и организаторов, прошла успешно, получила хорошие отзывы. Море благодарности организаторам этой акции, большое спасибо Жаркын Кенжебаевой, профессору кафедры русской филологии Атырауского университета, которой небезразлично творчество Сатимжана и память о нём. Большое спасибо друзьям Сатимжана – Мурату Ауэзову и Светлане Ананьевой, без которых эта встреча не имела бы такого успеха.

Прошло десять лет как ушёл Сатимжан.

7 ноября 2023 г. Наша первая квартира в писательском доме по улице Джамбула. Необычная планировка, большой зал, лоджия шесть метров в длину. Обычные соседи, как все люди. Со временем стали раскрываться привычки, отношения налаживались или разлаживались. На первом этаже нашего подъезда жила семья поэта, жена которого по нескольку раз в день мыла пол в подъезде. В это время лучше было не высовываться, а детей она просто гоняла, чтобы не бегали туда-сюда. Во втором подъезде жили Калихан Искаков, Аскар Сулейменов, Мурат Ауэзов. Странно было видеть их часто, казалось, когда делились режиссурой, были ближе. Обыденность убивает.

Семья Калихана Искакова одна из первых отчалила из нашего дома, переехала. У Аскара Сулейменова мама, Айтоты, удивительно красивая женщина,

после гибели мужа на войне больше не вышла замуж, хотя, полагаю, предложения были. Без укоризны говорила, что Аскар и Алтыншаш курят на кухне так, что хоть топор вешай. Иногда ночью, выйдя на лоджию, мы видели Аскара, медленно прогуливающегося вдоль дома. Сатимжан не выдерживал и присоединялся к нему – поговорить было о чём.

На четвёртом этаже жила семья Мурата Ауэзова. Однажды, приехав из поездки в Индию, он собрал у себя друзей и одарил каждого подарком. Получилась интересная импровизация: на столе в зале отдельно лежали мужские и женские сувениры, а маленькие Амир Каракулов и Манас Кисамединов объезжали, кому что досталось. Не помню подробностей, но я получила красивые серебряные серёжки.

А у женщин, писательских жён, шла своя жизнь. Ссоры из-за детей, кто-то кого-то укусил – жертва показывала всем следы укуса, другая соседка предала огласке секрет своей подруги о любовнике – семья распалась. Ни дать ни взять итальянский дворик с криками, ссорами, примирениями.

За четыре года, что мы провели в Павлодаре, в нашем доме многое изменилось. Кто-то переехал, кто-то разъехался, появились новые соседи. Рядом выстроили ещё один писательский дом. Он был побольше нашего шестнадцатиквартирного, – пять подъездов, по три квартиры на этаже. Наш дом покрашен в жёлтый цвет, соседний был белым. Родилась прибаутка – жёлтый дом – сарандардың үйі (дом жадных), белый – алкаштардың үйі (дом алкашей). Когда в нашу квартиру из Гурьева приехали жить родители Сатимжана, а потом овдовевшая сестра с детьми, Сатимжан подал заявление на расширение жилплощади. Тогда это было закономерно: писателям, а также любим творческим личностям полагался кабинет – двадцать квадратных метров. Неплохая закономерность. Наша семья переехала в белый дом в двухкомнатную квартиру.

Утром, выходя на работу, я видела, что у подъезда уже собрались несколько соседей-писателей, у скамейки стояли «огнетушители» – литровые бутылки с бормотухой. Напротив находился продовольственный магазин, в винном отделе которого продавцы держали тетрадь для записей должников и отпускали «продукт» без оплаты. В дни гонораров долги оплачивались, а со временем начинали заполняться новые странички. Когда мы переехали в «Самал», доходили вести, что многие из них уходили из жизни совсем не старыми. Кто-то после первой удачной книги ярко загорался, но неожиданно потухал, кто-то застревал на полпути, кто-то не выдерживал долгого ожидания своей востребованности, признания. Многих в этот момент подстерегало пристрастие к алкогольному забвению, избавиться от которого удавалось мало кому.

Мимо нашего дома часто проходила женщина, выгуливала чёрного пуделя. Казалось, они были одного возраста – немного сгорбленная женщина и стареющий пудель. Однажды она попросила у меня воды, то ли для себя, то ли для собаки. Я пригласила её к себе, разговорились. Тётя Рая была татаркой, её мать жила в Москве, два её брата опекали мать, давая ей возможность жить достойно. «Она ходит в сандуны (бани), делает маникюр, педикюр, живёт в своё удовольствие, а мне они не помогают, хотя один адмирал тихоокеанского флота, а другой крупный учёный», – жаловалась Рая. В Москве, кроме матери, у неё была родственница. Когда Рая была в Москве, родственница позвала её в гости к Бёлле Ахмадулиной, которая оказалась тоже дальней родственницей. «Мы зашли в квартиру, в большом зале посередине стояла огромная хрустальная чаша с хрустальным же половником. Каждый, кто приносил с собой бутылку, выливал её в эту вазу, что бы это ни было: вино, коньяк, водка. Гости половником наливали себе в бокалы эту адскую смесь». Когда Рая завершила свой рассказ тем, что пришёл Евтушенко, не обращая ни на кого внимания, прошёл в какую-то комнату,

а вскоре так же молча ушёл, я засомневалась. Где правда, а где ложь? Но почему-то явно представила себе большой зал, хрустальную чашу и Беллу Ахмадулину в длинном платье...

Много разных историй вспомнилось о жизни в этих писательских домах. Кто-то в моих глазах остался человеком, подтвердившим своё писательское и человеческое достоинство, а есть и такие, которые даже если считаются классиками, не внушают должного почтения, и даже хуже. Но писатели тоже люди.

26 апреля 2024 г. Год мы провели в Балхаше, где Сатимжан писал роман «Медный колосс», я печатала, Гуля и Галым заканчивали восьмой класс. Школьные преподаватели советовали нам вернуться в Алма-Ату. «Если хотите, чтобы ваши дети поступили в вузы, лучше заканчивать школу в столице». Так и сделали. Оставив Сатимжана в Балхаше, уехали в Алма-Ату. Поступили в новую школу недалеко от дома. В разговорах детей иногда слышала «Бэрримор». Странное прозвище. Спрашиваю, кто это? Преподаватель русского языка и литературы. Почему Бэрримор? Потому что бородатый, как Адабашьян. Редкий случай – молодой человек преподаёт язык и литературу. Хотя меня назначили в родительский комитет и я частенько бывала в школе, ни разу с Бэрримором не столкнулась.

Время шло, дети учились в вузах. Вдруг снова слышу «Бэрримор». Оказалось, дети увидели его по телевизору. Из школы на ТВ? Неплохо. Не помню, видела ли его на экране, но уже знала, что это Рерих. Пять лет назад начала свой блог на ФБ и однажды увидела, что Рерих среди тех, кто читает мои публикации, даёт комментарии, а как-то ответила на его комментарий. Обратилась к нему с его прозвищем «Бэрримор». Так началось наше знакомство по переписке. Оказалось, многие вещи мы воспринимаем одинаково. Я пишу, как я заблудилась в степи, он отвечает, что с ним такое бывает даже в городе; я пишу о первых впечатлениях о Москве, у него такие же ассоциации. Как-то я написала, что не знаю, что буду делать, если вдруг не смогу писать. Выяснилось, что у него такие же опасения. Как-то Бэрримор написал, что ждёт и читает мои публикации. Я восприняла это как большую поддержку, которая помогла мне писать дальше.

В этом году я опоздала поздравить его 1 января с днём рождения и написала позже в личку: «Чтобы покой Вам только снился ещё долго». Ответ был: «Как карта ляжет». Карта легла плохо, через двадцать дней его не стало. Ушёл вверх по ручью. Остались только слова, которые трудно переоценить: «За пожелание спасибо от всего сердца. Примите моё почтение и дружескую приязнь. Это случается редко у меня, Вы едва ли не исключение, которого достойны. Ваш Бэрримор». В таком возрасте обрести дружбу, хоть и по переписке, и тут же потерять – тяжёлая утрата. Мы пишем о ком-то, чтобы люди не забывали о человеке, хранили память о нём. Вот и я о том же. Долгая память Владимиру Рериху.

9 июня 2024 г. Истории из жизни творческих людей. В сквере, что слева от оперного театра, часто собирались писатели и примкнувшие к ним, в большинстве своём пенсионеры. Тогда не было много кафе, как сейчас, и этот сквер служил местом, где можно было в дружеской компании распить бутылку-другую. Однако это дело было рискованным, за распитие алкоголя в непопозволенном месте могло последовать наказание: штраф или даже пятнадцать суток. В этот зимний вечер ничто не предвещало плохого, однако предчувствия не оправдались. С той стороны, откуда не ожидалось подвоха, появился милиционер и направился к безмятежной компании. Компаньоны повскакивали и, не глядя на возраст, прытью помчались из сквера. Последним бежал человек, вместо руки у которого был протез в чёрной перчатке, который не помогал бегу. И человек отставал от всех, бежал последним.

Милиционер догнал его и схватил за руку. Беглец вырвался и снова пустился бежать, когда почувствовал, что нет протеза. Что делать? Восстанавливать

протез – муторное дело, вернуться – тоже не вариант. Всё же решил вернуться, была не была. Странная картина его удивила: на снегу лежал милиционер в обмороке, прижимая к груди его протез. Видимо, решил, что оторвал руку. Осторожно наклонившись, беглец вытащил из объятий милиционера протез и, довольный, был таков. Но этот эпизод не помешал традициям, сквер так и остался местом творческих людей.

Однажды в совминовской больнице Сатимжан встретился с Ануаром Молдабековым, который лечился от сахарного диабета. Они были знакомы давно, Ануар снимался в фильме «Там, где горы белые» по повести Сатимжана «Белая аруана». Ануар жаловался, что к нему нет должного внимания врачей. Когда приходит время обхода, врачи, войдя в палату, сразу направляются к его сопалатнику, то ли скрипачу, то ли пианисту, внимательно расспрашивают его о самочувствии, анализах и т. д., а на минутку подходя к Ануару со словами: «А здесь всё по-прежнему», не задерживаясь, уходят. «Это безобразие! Что за дискриминация!» – возмущался Ануар.

Позже Сатимжан узнал, что за день до выписки музыканта Ануар, то ли решив подшутить, то ли отомстить, подсыпал сахар в последний анализ соседа. Поднялся переполох – как так, вчера анализ был нормальный для выписки, а сегодня такое! Разоблачение Ануара последовало быстро, не долечив, его выписали раньше срока, но и сопалатнику пришлось задержать в больнице на день-два. Больше Ануар в эту больницу не ложился, обиделся.

Дело было в Шевченко, где мы снимали фильм «Дорога в тысячу вёрст». Сатимжан играл роль Алиби Джангильдина. Я работала ассистентом режиссёра. Сатимжан рассказал мне эту историю гораздо позже случившихся событий. После съёмочного дня его пригласили в гости местные аксакалы, возможно, не понаслышке знавшие историю интеротряда. Войдя в юрту, Сатимжан увидел, что на одном из почётных мест уже сидит Нурмухан Жантурин. Оказалось, что по какой-то степной иерархии род Сатимжана был выше рода Жантурина, и с молчаливого согласия аксакалов Жантуруину пришлось пересесть на другое место, уступив своё Сатимжану. Традиции были соблюдены.

Думаю, что в Алматы такое не могло бы произойти, авторитет Нурмухана Жантурина был неоспорим в сравнении с Сатимжаном, дебютантом в кино и литературе. Этот эпизод не помешал их хорошим отношениям, несмотря на разницу в возрасте. Жантурин замечательно сыграл роль Мырзагали в фильме «Там, где горы белые».

Однажды Сатимжан пришёл домой в расстроенных чувствах. Он навещал тяжело больного Нургису Тлендиева в больнице. Войдя к нему в палату, услышал вопрос: «Ну что, принёс?» Сатимжан растерялся, хотя понял, о чём речь. Ему часто доводилось лежать в больницах, и он старался соблюдать режим и все предписания врачей, доверие к медикам было безгранично. «Эх ты!» – махнул рукой Нургиса. Через несколько дней его не стало. Сатимжан долго переживал: «Наверное, надо было принести коньяк!» – сокрушался Сатимжан. С одной стороны, это была последняя просьба, с другой стороны – страх навредить больному сдерживал его. Неразрешимая дилемма.

У Сатимжана складывались хорошие приятельские отношения со старшими: писателями, киношниками, художниками. Но один случай из раннего детства выбивался из этого постулата – уважение к старшим. Однажды в Макате к ним в дом пришёл старик, знакомый отца. Сатимжан рассказывал, что до трёх лет он почти не разговаривал. Старик небрежно спросил: «Что за мальчишка сидит в углу? Не похоже, что твой сын». Пока взрослые беседовали, трёхлетний Сатимжан взял шапку гостя и ножницами выстриг весь мех. Первый раз он получил наказание от отца, но такова была его отплата за обиду.

8 июля 2024 г. Пять дней из моей жизни, или шестая палата. Шла, споткнулась, упала... Очнулась... Нет, не гипс, разбила лоб, прилично. Куда-то повезли, привезли, зашили... Ночь промучилась, одной из соседок было плохо, она то нюсенкиным голоском причитала: «Ох, как плохо, как мне плохо, как плохо мне!» И так всю ночь, затихла лишь под утро, а уже начался больничный день: давление, градусники, уколы... Между процедурами стараюсь поспать. Просыпаюсь от того, что надо мной кто-то стоит. Открываю глаза – женщина средних лет, расспрашивает, кто я, откуда, как попала в больницу. В каждой даже небольшой группе женщин выделяется такая активистка, берёт на себя функции управления и заботы о принятых ею под своё крыло подопечных. У неё на «тали» широкий корсет, ходит прямо. Розу сбил мотоциклист, на бедре вставлен штырь, а через время обнаружился перелом двух позвонков. Операция – и она ходит. Я полагала, что перелом позвонков – это страшно, полная неподвижность. «Медицина не стоит на месте, – говорит Роза, – прогресс идёт вперёд!»

Ночью привезли женщину. Утром Роза уже всё о ней знала: упала в бане, повредила позвоночник. На «тали» широкий эластичный корсет. И тоже ходит. Справа на койке у Гули книга на казахском языке, слева лежит мобильник, в руках электронная книга. Гуля то читает на казахском, то смотрит на мобильнике фильм или по электронной книге читает английский роман. Занятой человек!

На следующий день после осмотра выписали Розу, вместо неё бразды правления в свои руки взяла Гуля. Где найти медсестру (на звонки не приходит), где взять кипятилок для чая, где сидят санитары, нянечки, врачи. Все эти подробности много значат в жизни больных. Самое сложное положение было у Сары, передвигавшейся с помощью ходунков, но резво. Такого оптимизма и энергии не было ни у кого из нас. Эти наблюдения привели меня к мысли, что пока ещё есть такие женщины «в наших селениях», мы не пропадём.

Вспомнилось ещё одно наблюдение. За короткое время нам с Сатимжаном довелось побывать в домах разных районных, областных деятелей. В Шардаре мы были в гостях у Аштара Джолдасова, секретаря Шардаринского райкома, к слову, нашего родственника, а позже просто хорошего друга. Тётя Алмагуль, жена дяди Аштара, запечатлелась в памяти как спокойная, выдержанная, простая в общении женщина. Чуть позже довелось побывать в дома Саламата Мукашева, тогда он был первым секретарём Гурьевского обкома партии. Какое-то время этот человек жил в доме Санбаевых, под опекой отца Сатимжана Хамзы Санбаева. Не помню имени его жены, но помню такую же доброжелательную, тёплую атмосферу дома, схожую с предыдущей: гостеприимство, теплота, коммуникабельность.

И ещё один визит: в Павлодаре мы были в гостях у Темеша Садвакасова, председателя облисполкома, по инициативе которого мы на время переехали в Павлодар. Его жена была медиком, как и тётя Алмагуль. Педагоги, медики – классические женские профессии, представительницы которых очень подходили для роли жён партийных деятелей. Эти три встречи оставили приятное впечатление: никакого снобизма, уравновешенность, достоинство, доброжелательность, хотя я была значительно младше этих женщин. С одной стороны, они как будто очень похожи в чём-то, но тем не менее совершенно разные. И было понятно, что эти женщины являются поддержкой и опорой для своей семьи. Получился как бы гимн женщинам, думаю, вполне справедливо. А много ли в наше время таких женщин?

14 октября 2024 г. Сколько времени прошло, как я не получаю пятничные приветствия Мурата: «Жұма мұбарақ болсын!» Удивлялась, где он находит каждый раз разные открытки. Последнее время я стала воспринимать эти послания как знак того, что, несмотря на состояние здоровья, Мурат держится, всё

в порядке, не беспокойтесь за меня. И хотя я знала, что многие друзья получают такие отправления, была рада видеть на экране мобильного очередное сообщение. Иногда это было в шесть-семь утра, а как-то – в первом часу ночи.

Вспоминается многое: Новый год, день рождения Мурата в общежитии литинститута, ему восемнадцать лет. За столом ещё неизвестные Олжас Сулейменов, Булат Габитов, брат Мурата, Мереке Майлин, мои одноклассники, которые и пригласили меня на это торжество. Следующая встреча случилась у нас дома, где мы с Сатимжаном жили у моих родителей. Мурат предложил нам (а нас уже четыре человека) переехать на СМУ-15, в дом его сестры Умит Джансугуровой, где он жил после учёбы в Москве. Около полугода мы прожили под одной крышей. Сатимжану там хорошо писалось. Время, которое оставило добрые воспоминания ещё и потому, что мы обрели друзей, дружбу с которыми пронесли через всю жизнь.

Жизнь то сводила, то разводила нас. Часто Сатимжан и Мурат работали в одном русле: подготовка к Конференции писателей стран Азии и Африки, коллегия по переводу при Союзе писателей Казахстана, Великий шёлковый путь, Невада – Семипалатинск. Празднование на пятидесятилетие Сатимжана организовал Мурат с друзьями. Сатимжану от Союза художников преподнесли бюст юбиляра. Не знаю, кто его создавал, но Мурат поднялся на сцену и грохнул этот бюст об пол, сказав: «Сатимжан жив и пусть живёт ещё долго, а это для тех, кого уже нет». Может, благодаря Мурату Сатимжан прожил дольше, чем предполагал.

Однажды друзья были у нас в гостях и уже расходились. Мы с Зифой Каракуловой вышли раньше, и на улице к нам подошли подвыпившие мужчины с разными вопросами. Шедшие позади Булат Каракулов, Мурат и Сатимжан поспешили на помощь, перепалка перешла в драку. Когда задиры ретировались, Мурат, потягиваясь, сказал: «Давно я не дрался, оказывается, хорошо иногда размяться!» Мы расхохотались: мало того, что мы давно уже не были в подростковом возрасте, но Мурат недавно вернулся из Китая, где был первым послом Казахстана.

Многое можно вспомнить о нашей жизни, весёлой и не очень, и даже иногда очень грустной. Как многих мы потеряли на этой длинной дороге! На одну из моих публикаций в Фейсбуке о Сатимжане, об обычных жизненных ситуациях Мурат отозвался (я знала, что он всегда читал мои публикации, но редко комментировал): «Света, твои воспоминания – рай для Сатимжана». Передо мной лежит книга о Мурате из казахстанской серии ЖЗЛ «Өнегелі өмір». В основном умные глубокие статьи о Мурате. Подумала, может, Мурату понравились бы мои воспоминания о нём, может, это и для него будет раем. В пятницу рано утром звякнул мобильник: «Жұма мұбарақ болсын». Защемило сердце. Это мой младший брат Жанай. Спасибо, родной, традиция продолжается. Мурат с нами!

